

патриотизм) не по прямому государственно-служебному назначению. Помимо мотивов внутреннего порядка судьба казачьих общин оказалась наиболее трагической в силу того, что именно высокие достоинства казачьих войск привлекли к ним особое внимание не только со стороны внутренних сил (партий, сословий), но и иностранных государств, ставивших свои интересы выше интересов России и ее государственности.

Полагаю, опыт истории свидетельствует с определенностью, что сила казачества - в тесном единении с народом и служении только ему. Политикам - лишь в той мере, в какой они сами служат интересам народа и его государственности.

К. И. ЗУБКОВ (Екатеринбург)

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

При изучении происхождения и исторической роли казачества актуализации новых проблем и концептуальных подходов способствует применение геополитического метода, выражающего некоторую "метаисторическую" причинность, органично связывающую географический фон истории с динамикой крупномасштабных цивилизационных процессов. Уже сама уникальность казачества как исторического явления (и как наиболее динамичного элемента русской исторической жизни) с начала XX в. выводилась в западной геополитике (Х.Маккиндер и др.) из столь же уникального "вмещающего ландшафта" южной России - изолированного от океанических цивилизаций, протяженного степного коридора, разделяющего два "речных мира" Евразии (Северо-Евразийский и Арало-Каспийско-Черноморский) и создававшего идеальные условия для высочайшей, растянувшейся на тысячелетия мобильности кочевнических народов. Основные ареалы образования различных групп казачества достаточно точно отражают также геополитические закономерности территориального роста России (по К.Хаусхоферу, "широтная" экспансия, сменяемая, как и в

Новом Свете, к середине XIX в. движением по линии Север-Юг), а узлы их "кристаллизации" в виде позднейших самоуправляемых областей и войск образуют систему диагональных "линий прочности" в направлении северо-запад - юго-восток, вдоль наиболее конфликтогенной "оси" мировой истории (Р.Стойкерс).

Из этих общих геополитических посылок могут следовать однако совершенно различные, в ряде моментов прямо противоположные, интерпретации истории казачества. Одна из них восходит к историософии русских эмигрантов - "евразийцев" 20-х гг. и наиболее ярко представлена в настоящее время в исторической концепции Д.Н.Гумилева. Тезис раннего "евразийства" об изначальной "симфонической" целостности России-Евразии как органического, конвергентного единства географии, этнографии и культуры по существу снимал вопрос об исторической причинности и логике пространственного "развертывания" Российского государства из единого культурно-политического центра (будь это киевское наследие или Москва). В контексте этой концепции историческим прототипом современной России виделась империя Чингисхана, впервые политически объединившая Евразийский континент, а образование Русского государства рассматривалось как последующий процесс сотворчества многих народов Евразии, объединенных "общей судьбой".

Следующее методологии раннего "евразийства" гумилевское понимание этногенеза великорусской нации как "комплиментарной" конвергенции пестрой этнической мозаики "вмещающего ландшафта" России в единый суперэтнос заставляет по-новому взглянуть на генезис казачества. Известная метафизичность концепции происхождения Российского государства одновременно сопровождается в "евразийстве" трактовкой локальных этнографических групп русского народа, в том числе казаков, в качестве ярких этнических индивидуаций, генезис которых не только выводится из глубокого прошлого, но и отрывается от восточнославянских корней. Популярность "евразийских" трактовок истории казачества в последнее время породила ряд оригинальных, публицистически острых (особый вопрос - насколько обоснованных эмпирически) версий о прямом происхождении казачества из южнорусских степей от древних тюркских племен - половцев, торков, берендеев, черных клобуков, несших охрану русских земель со стороны Дикого поля (М.Аджиев), о генетическом восхождении северских

казаков к особому, враждебному Москве этносу "севрюков" (Л.Н.Гумилев) и даже к древним самодийцам-савирам Геродота (Дм.Балахов). Это направление мысли, кстати говоря, допускает рассмотрение ранней истории казачества XVI-XVIII вв., особенно его участия в Смуте и антиправительственных войнах, не только в традициях "государственной школы" русской историографии, как наиболее яркого выражения народной стихии "антисистемы", но и сквозь призму этнически (или регионально) окрашенного конфликта окраин с Москвой. Этому находят подтверждения в истории Московской Руси XIV-XV вв., когда летописи фиксируют участие "ордынских казаков" или "азовских казаков" в татарских набегах на южнорусские окраины (В.В.Каргалов). В русской дореволюционной историографии попытку связать антиправительственные выступления казаков Разина и Пугачева с генетическим кочевническим "инстинктом" и вписать их общий поток "механического передвижения" кочевых народов Северного Кавказа, Заволжья и Урала предпринял М.Кулишер.

Другое концептуальное направление, следующее традициям русской дореволюционной и в значительной мере советской историографии, напротив, исходит в объяснении генезиса казачества из процесса дивергенции единого великорусского этнического массива по мере пространственного расширения Российского государства и сопряжения его подвижной границы с новыми географическими и этническими средами. В этом контексте историческими прототипами казачества выступают наиболее активные элементы русской вольно-колонизационной стихии - "охочие люди", "повольники", "бродники" (Д.А.Корсаков), сформировавшаяся на открытой и опасной в военном отношении степной границе фигура служилого и вольного промысловика-воина (В.О.Ключевский). Эта концепция имеет отдельные совпадения с "евразийской" концепцией Л.Н.Гумилева, в частности, с его тезисом о массовом исходе "пассионариев" на окраины. Однако генетическая логика здесь совсем иная: признание более активной, чем в центре страны, этнической ассимиляции в среде формирующегося казачества не отрицает его великорусского происхождения.

Более того, рассматриваемая концепция согласуется с глубинными геополитическими закономерностями, которые характеризуют особую "концентрическую" модель территориального роста России, впервые раскрытую Н.Я.Данилевским и в настоящее время

реанимируемую в зарождающейся российской геополитике (А.И.Трей-вид, В.А.Шупер). В рамках этой модели адаптивная изменчивость казачьих сообществ, находящая наивысшее выражение в самобытной политической организации (аутентичный "народный" строй в представлениях "евразийцев 20-х гг.), не инициирует самодовлеющих центров местного сепаратизма, но всегда компенсируется сильными психологическими мотивами верности и служения Руси-Москве как религиозно-политическому центру страны.

Отдельные аспекты обеих рассмотренных концепций в современной ситуации, отмеченной обострением проблем геополитического самоопределения России, противоречиво соединяются в идеологии возрождающегося казачества и потому должны, по возможности, найти единое теоретическое осмысление на стыке конкретно-исторических и геополитических исследований.

А.З.ХИМКИ, В.Н.ДАРИЕНКО

(Херсон)

КАЗАЧЕСТВО И КОЧЕВАЯ СТЕПЬ: ВОЕННЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ХУП - НАЧАЛЕ XX ВВ.

1. По степной полосе Прикаспия, этим "великим историческим воротам" между Уральскими горами и Каспийским морем, прошли с начала нашей эры, прокочевали, не создавая очагов земледельческой культуры, многочисленные племена скифов, сарматов, аорсов (Алан), роксаланов, аваров, гуннов, хазар, печенегов, половцев, татар и др.¹ Небольшие посевы зерновых в районе Сарайчика, судя по переписке ногайских ханов с Иваном IV, поддерживались благодаря периодической присылке семян "из Руси".

2. Возникавшие в лесистом бассейне Яика и на морских островах казачьи общины вовлекались в эту бурную, полную опасностей жизнь торговцев скотом и предметами военной добычи, включая ясырь (живой товар), которая так характерна не только для XV-XVI, но и почти всеобщая в последующие столетия.

